

ТУРГЕНЕВ И БОДЕНШТЕДТ*

Статья Хорста Раппиха (ГДР)¹

Предлагаемая работа ставит своей целью исследовать личные отношения и литературные связи Боденштедта и Тургенева и установить, в какой мере Боденштедт способствовал популяризации в Германии творений своего русского друга. Имеющаяся литература на эту тему ограничивается, по существу, статьями М. И. Семевского, И. Эйхгольца и Э. Хока². На основании неопубликованных и до сих пор не использованных исследователями источников нам удалось представить отношения Боденштедта и Тургенева значительно полнее, чем это было сделано в названных трудах. В наших выводах мы, прежде всего, опираемся на опубликованный до сих пор лишь в выдержках мюнхенский дневник Боденштедта 1855—1865 гг.³ Для исследования дружеских отношений обоих писателей имеют большое значение публикуемые выше 14 писем Боденштедта к Тургеневу. Самым важным источником явились для нас 33 письма Тургенева к Боденштедту, из которых 31 письмо уже в 1887 г. было напечатано (весьма неточно) М. И. Семевским в «Русской старине». Все эти 33 письма (сюда входят и 2 письма, до последнего времени не публиковавшиеся) вошли в Полное собрание писем Тургенева⁴.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА В МЮНХЕНЕ В 1861 г.

Относительно первой встречи Тургенева с Боденштедтом исследователям его творчества было известно до сих пор очень мало. Встречающиеся в литературе скудные данные о пребывании русского писателя в Мюнхене в 1861 г. неточны и недостоверны. На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов можно точно установить, когда и при каких обстоятельствах Тургенев познакомился с Боденштедтом.

До приезда Тургенева в Мюнхен Боденштедт с ним лично знаком не был и до прочтения переведенных на немецкий язык А. Видертом и затем А. Больцем «Записок охотника» (Берлин, 1854 и 1855), а также русского издания «Дворянского гнева», сочинений Тургенева не знал⁵. Но он, несомненно, хорошо знал русского писателя по рассказам О. Д. Хилковой, питавшей глубокое уважение к Тургеневу. Боденштедт заранее знал о том, что Тургенев намеревается посетить Мюнхен, и ждал его приезда. В дневнике от 5 мая 1861 г. он записал: «Сегодня должен, наконец, приехать Тургенев». Когда Боденштедт писал это, ему еще не было известно, что Тургенев накануне, поздно вечером, уже приехал в Мюнхен⁶.

В дневнике Боденштедт несколько раз упоминает о посещении Тургеньевым Мюнхена. Не вполне точно опубликованная и до сих пор не привлекавшая внимания тургеньевистов запись от 7 мая 1861 г. гласит: «Тургенев действительно приехал в субботу и был у меня в воскресенье вместе с князем Хилковым и его сестрой. О князе сказать особенно нечего, зато Тургенев один из самых импозантных и приятных людей, каких я когда-либо встречал. Мы провели воскресный вечер вместе у Хилковых, а вчерашний вечер у меня; я пригласил также Зибеля, Кобелля, Мельхиора Мейра и Карриера, а также Либиха, который, однако, не мог прийти»⁷.

Более подробно пишет в своем дневнике о вечере у Боденштедта М. Мейр. Чрезвычайно интересна его запись от 6 мая 1861 г.: «Вечером у Боденштедта; были Тургенев (русский помещик и писатель), Зибель, Кобелль, Карриер. Бакунин живет теперь в Сибири! — на свободе! — Тургенев рассказывает нам о России и о положении крестьян, крепостных, владевших когда-то землей. Он говорит: Крымская война нам очень помогла — она освободила нас от царя Николая (личина великого человека!) и открыла нам самих себя! — Рассказывает содержание новелл. — Общинная

* Перевод с немецкого Л. М. Бродской.

жизнь (пахотная земля принадлежит общине. — Зибель: правовое сознание лучше развивается при частной собственности!). Тургенев был в Париже — распутная жизнь принца Наполеона»⁸.

Итак, в центре беседы стоял крестьянский вопрос в России, что вполне понятно, так как отмена крепостного права произошла за два месяца до посещения Тургеньевым Мюнхена. Немецкие деятели, собравшиеся у Боденштедта, видели в Тургеньеве прежде всего убежденного противника крепостничества, выступавшего неоднократно по этому поводу в своих произведениях⁹. Боденштедт, как и Тургенев, приветствовал отмену крепостного права в России, о чем свидетельствует, например, его стихотворение «Александр II», которое, возможно, явилось плодом бесед на эту тему с Тургеньевым или И. С. Аксаковым. В стихотворении отразилось недостаточное понимание Боденштедтом общественных отношений в России. Он верил, что манифест 19 февраля был вызван великодушием и благородством просвещенного и гуманно мыслящего монарха¹⁰.

Дальнейшим предметом беседы явились рассказы Тургеньева. К сожалению, мы не можем установить, о каких уже написанных или задуманных им произведениях говорил Тургенев: может быть, о повести «Первая любовь», законченной им весной 1860 г., может быть, о повестях «Муму» и «Постоялый двор». Это предположение подкрепляется письмом Тургеньева от 27 апреля/9 мая 1861 г. к О. Д. Хилковой, в котором он просит предупредить Боденштедта о высланных ему французских переводах этих двух повестей. Обе они были в дальнейшем переведены Боденштедтом на немецкий язык и вошли в первый том мюнхенского издания рассказов Тургеньева.

Кроме того, речь шла о поведении принца Наполеона, служившем предметом толков в Париже, откуда приехал Тургенев. Сын младшего брата Наполеона I, Жерома, Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III. В начале политической карьеры, являясь в 1848—1849 гг. членом Учредительного собрания, он примыкал к левой, республиканской его части. После государственного переворота, приведшего к власти Наполеона III, он получил титул принца и до 1856 г. считался наследником французского престола. Он выполнял различные дипломатические поручения, короткое время был министром Алжира и колоний, — одним словом, до краха Второй империи принадлежал к ее правящим кругам. Можно думать, что в суждениях Тургеньева о принце Наполеоне, высказанных им во время этой беседы, отразилась его давняя ненависть к «клятвопреступнику, задушившему республику», каким и он сам и его друзья Виардо считали Наполеона III¹¹.

БОДЕНШТЕДТ И ЕГО ЖЕНА — ПЕРЕВОДЧИКИ РАССКАЗОВ ТУРГЕНЕВА

После отъезда Тургеньева из Мюнхена 8 мая 1861 г. Боденштедт около восьми месяцев (до конца декабря) не переписывался с ним и лишь изредка получал о нем сведения от своих знакомых в России¹². Все же за этот промежуток времени они не забывали друг о друге. 27 апреля/9 мая 1861 г., приехав в Берлин, Тургенев писал дочери в Париж и просил ее немедленно выслать Боденштедту оба тома французского издания своих повестей («Scènes de la vie russe»)¹³. Одновременно с этим он направил письмо Хилковой относительно посылки Боденштедту повестей. Уже 20 мая 1861 г. Боденштедт занес в дневник следующую запись: «Получил от Тургеньева из Парижа его новые рассказы, но еще не успел их прочесть». По приезде в Петербург Тургенев сразу же просил И. И. Маслова выслать Боденштедту из Москвы собрание своих сочинений на русском языке, что тот выполнил, хотя и с задержкой¹⁴. 22 июля 1861 г. Боденштедт записал в дневнике: «В последние дни я, главным образом, читал Тургеньева; его произведения, которые у меня теперь имеются полностью, чрезвычайно меня захватывают».

Большой интерес вызвали произведения русского писателя и у жены Боденштедта, Матильды¹⁵. Его рассказы, с которыми она познакомилась по французскому

изданию (русским языком она не владела), совершенно ее очаровали, и это побудило ее уже в легкие месяцы 1861 г. перевести «Муму» и «Якова Пасынкова» на немецкий язык (см. письмо Боденштедта от 13/25 декабря). Этот факт был до сих пор неизвестен исследователям творчества Тургенева: переводы «Муму» и «Якова Пасынкова» приписывались Фридриху Боденштедту. В действительности же его участие в названных переводах было более скромным: он сравнил их с русским оригиналом и отредактировал их, одним словом, придал им «последний лоск»¹⁶.

Боденштедт встретился с большими трудностями, когда попытался напечатать эти переводы в берлинской и венской прессе. Редакции были недовольны либо названиями рассказов, либо тем, что переводы были сделаны не самим Боденштедтом. Однако главной причиной их отказов, как отмечал Боденштедт в письме к Тургеневу от 25 декабря 1861 г., было, по всей вероятности, то, что потребность в переводной иностранной литературе была в Германии еще недостаточна. К тому же Тургенев был тогда почти незнаком немецкой читающей публике. Безрезультатные старания Боденштедта напечатать перевод рассказа Тургенева (речь идет, по-видимому, о «Якове Пасынкове») в берлинской «Sternzeitung»¹⁷ отразились в его письме от 20 октября 1861 г. к берлинскому издателю Деккеру: «Только что почтальон принес мне несколько номеров „Sternzeitung“, в которых помещены мои статьи. Я прислал бы гораздо больше, если бы не предполагал, что в материале у вас скорее избыток, чем недостаток; рассказ Тургенева, который я вам послал уже три месяца тому назад, до сих пор еще не напечатан...»¹⁸.

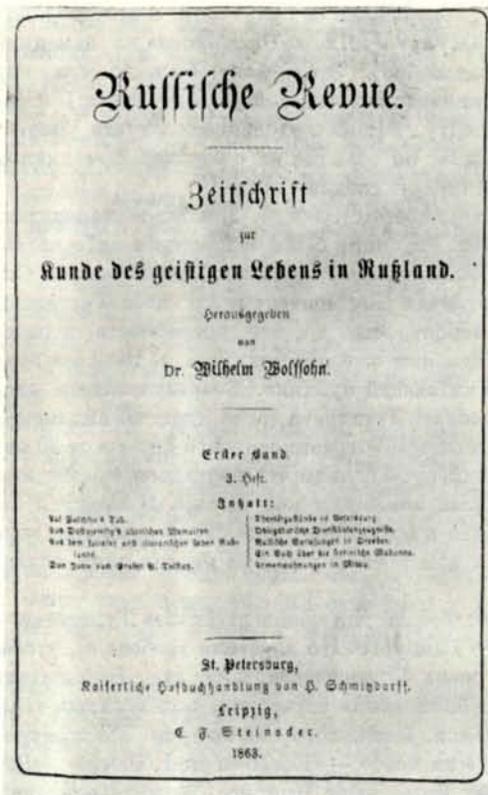
Наконец Боденштедту удалось найти издателей для обоих рассказов Тургенева — одного во Франкфурте-на-Майне, другого в Гамбурге. Но издатели требовали, чтобы в качестве переводчика была указана не жена Боденштедта, а он сам. Боденштедт пошел на компромисс и согласился на опубликование переводов, подписанных «Боденштедт», без указания имени или инициалов. После того как он принял также требование изменить заглавие рассказа «Муму» на новое — «Edelfrau und Knecht» («Барыня и холоп»), издатель журнала «Neues Frankfurter Museum» Теодор Крейценах согласился напечатать его. 29 сентября 1861 г. в этом журнале было помещено следующее сообщение: «Иван Тургенев. Рассказ „Барыня и холоп“ этого писателя, который пишет на русском и французском языках, характеризуется специалистами как самое значительное явление новейшей мировой литературы. Этот рассказ, мастерски переведенный Боденштедтом с русского языка, будет в ближайшее время предложен нашим читателям»¹⁹. Перевод «Муму» был напечатан в семи номерах журнала — с конца ноября по начало декабря 1861 г.²⁰

Рассказ «Яков Пасынков», переведенный женой Боденштедта, был напечатан в «Hamburger Nachrichten» в январе 1862 г.²¹

Следующее произведение Тургенева, опубликованное Боденштедтом, был рассказ «Фауст». Как явствует из дневника Боденштедта, этот рассказ был переведен им самим, но, по всей вероятности, с французского издания «Scènes de la vie russe». На основании дневника мы можем довольно точно проследить историю этого перевода.

Из записи от 20 апреля 1862 г. видно, что Вильгельм Вольфзон обратился к Боденштедту с просьбой перевести для его журнала «Russische Revue» какой-нибудь рассказ Тургенева. Боденштедт, нуждавшийся тогда в деньгах, принял предложение Вольфзона, выбрал рассказ «Фауст» и немедленно принялся за перевод. 25 апреля он записал в дневнике: «„Фауст“ еще не закончен, хотя я все время над ним работал, так что даже не мог спокойно провести свой день рождения (22 апреля. — Х. Р.), ибо как раз в этот день нужно было отослать первую часть рукописи, которая должна быть напечатана уже в первом номере журнала, выходящем 1 мая». Остальную часть перевода он выслал Вольфзону 26 апреля 1862 г., как об этом можно судить по записи в дневнике от 27 апреля. Таким образом, немецкий перевод «Фауста» был сделан в течение восьми дней.

Первый номер журнала «Russische Revue», в котором был помещен перевод «Фауста», вышел в свет в начале мая 1862 г.²² 28 мая Боденштедт послал Тургеневу экземпляр журнала. В письме от 19/31 октября 1862 г. Тургенев высказал свое удо-



ЖУРНАЛ ВИЛЬГЕЛЬМА ВОЛЬФЗОНА
«RUSSISCHE REVUE», В КОТОРОМ
БЫЛ НАПЕЧАТАН РАССКАЗ ТУРГЕНЕВА
«ФАУСТ»

Перевод Ф. Боденштедта
Обложка (т. I, вып. 3, 1863)

влетворение переводом Боденштедта: «Je ne puis m'empêcher de commencer par vous parler de la traduction de ma nouvelle „Faust“ — quoique ce soit un peu égoïste de ma part. Je viens de la lire et je suis resté ravi à la lettre — elle est tout simplement parfaite. (Je parle naturellement de la traduction, non de la nouvelle.) Il ne suffit pas de connaître à fond le russe — il faut encore être grand styliste soi-même, pour faire quelque chose d'aussi complètement réussi»*.

Почти теми же словами говорит о переводе этого рассказа и Пич, которому Тургенев в конце апреля 1863 г. подарил экземпляр журнала Вольфзона²³. 14 июня 1863 г. Пич писал Теодору Шторму из Парижа: «...Боденштедт сейчас занят переводом другого рассказа <Тургенев. — X. P.>; своим переводом тургеневского „Фауста“ (который тебе наверно знаком?) он создал настоящий шедевр»²⁴.

Тщательное сопоставление немецкого перевода «Фауста» с русским текстом показывает, что перевод Боденштедта, несмотря на незначительные отклонения, мало-важные дополнения и очень редкие пропуски (причиной их было отчасти французское издание), действительно вполне хорош: он легок и отличается совершенством формы. Поэтому он с полным правом был вновь издан в 1949 г.²⁵

Удачный перевод «Фауста» побудил Тургенева 31 октября 1862 г. предложить Боденштедту перевод других своих рассказов. Поводом к этому предложению, несомненно, послужило желание познакомить Германию со своими произведениями при помощи столь известного переводчика, как Боденштедт. Письмом от 3 ноября 1862 г.

* «Не могу прежде всего не поговорить с вами о переводе моей повести „Фауст“, хотя это и немного эгоистично с моей стороны. Я только что прочел его и был буквально в восторге — это просто-напросто совершенство. (Говорю, разумеется, о переводе, а не об оригинале.) Недостаточно знать до основания русский язык — надобно еще самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто столь совершенно удавшееся» (франц.).

Боденштедт принял предложение Тургенева и выбрал для начала «Постояльный двор», «Первую любовь» и «Поездку в Полесье»²⁶; позже к этим повестям были добавлены «Призраки».

В начале ноября 1862 г. Боденштедт приступил к переговорам с мюнхенским издателем М. Ригером. В случае успеха он предполагал в последующие годы издать четыре тома лучших рассказов Тургенева в немецком переводе²⁷. Однако по договору, который был заключен полгода спустя, Ригер обязался издать только три тома. В записи от 17 апреля 1863 г. Боденштедт пишет: «Я только что заключил договор с издательством Ригера на издание переводов лучших рассказов Тургенева в трех томах. Само собой разумеется, что я не принялся бы за эту работу, если бы не нуждался в деньгах, хотя переводы оплачиваются довольно плохо. Но лучше мало, чем ничего! Сейчас я очень занят первым томом».

Вследствие малого спроса на первый том (1864 г.) и особенно на второй (1865 г.), Ригер отказался от продолжения издания. Т. Шторм, которому Тургенев сообщил об этом, писал Пичу 17 августа 1867 г.: «Большой роман „Дым“ — X. P. все же будет, вероятно, переведен на немецкий язык <...>, к сожалению, боденштедтовское издание рассказов из-за недостаточного внимания к нему читателей приостановлено»²⁸.

Неудовлетворительный сбыт обоих томов рассказов не дает оснований делать вывод, что произведения Тургенева были встречены в Германии равнодушно и что немецкой публике его рассказы не нравились. Многочисленные рецензии доказывают обратное. Подобная же участь постигла сборники произведений П. Гейзе, Т. Шторма, Ф. Дана и Боденштедта, равно как и других известных и любимых в то время в Германии писателей. Слабый спрос на беллетристические произведения был в 60-х годах всеобщим явлением. Это положение в немецкой книжной торговле было обусловлено среди прочих причин войнами Пруссии и Австрии против Дании (1864 г.),

59

F a n f.

Novelle in neun Briefen.

von

Jwan Turgenew.

Deutsch von Dr. Schröder.

„Entstehen sollst du! Ich entbehren!
Das ist der ewige Kelch,
Der lehrt an die Eternität singt,
Den, unser ganzes Leben lang,
Und heiler jede Stunde singt.“

Erster Brief.

(Neu! Herzlichst B... an Simon Wiltsch W...)

Dort W... 6 Juni 1860.

Wie mir Tagen hier angekommen, lieber Freund, erlaube ich heute mein Verprechen, dir zu schreiben. Seit dem Morgen rieselt ein feiner Regen herab, der mich in's Zimmer bannt; und außerdem verlangt mich sehr danach, ein wenig mit dir zu plaudern. Du siehst, man wieder in meinem alten Nest, welches ich — ach, es ist traurig zu sagen — volle neun Jahre nicht gesehen. Was ist in diesen neun Jahren nicht alles vorgegangen! Ich fröhlich, wenn ich's so recht bedenke, komme mit mir ein ganz anderes Mensch vor. Ich bin in der That wie umgewandelt. Du erkennst dich wohl des Neuen, dunklen Spiegel in unserm Glastische, der noch von meiner Großmutter herkommt und an den Oden mit so wunderlichen Schnitzeln verziert ist — pflegt immer Betrachtungen anzustellen, was er vor und seit hundert Jahren gesehen haben mußte. Ich darf gleich noch meiner Kunst einen Blick hinein, und erschau über mich selbst. Noch nie war es mir so schön und lebhaft vor Augen getreten, wie ich gestrich bin und mich in der letzten Zeit verändert habe. Ubrigens nicht ich allein bin stier geworden; mein Sohn lange kaulfälliges Pauschen recht tollend aus den Augen zu gehen, und zeigt mich allen Seiten eine bedeutende Neigung zur Erde. Nicht andere Waffileone, die Haushälterin, du hast sie ganz nicht vergessen, da die ihre eingemachten Brüste immer vorzüglich munter ist ganz hier und herum gemessen, ganz zusammengekrummt. Sie konnte vor Freude des Witterstehens nur auf-

ЖУРНАЛ ВИЛЬГЕЛЬМА ВОЛЬФЗОНА
«RUSSISCHE REVUE», В КОТОРОМ БЫЛ
НАПЕЧАТАН РАССКАЗ ТУРГЕНЕВА
«ФАУСТ»

Перевод Ф. Боденштедта

Страница с началом рассказа (т. I, вып. 1,
1862)

Но Лорм не считает новеллой и «Постоялый двор»; этот рассказ, по его мнению, в лучшем случае, является «превосходной картиной нравов», ибо для новеллы в точном смысле этого слова рассказу недостает «какого бы то ни было идеального интереса»; никто, продолжает он, не увидит его в «трагическом отказе от права и справедливости, отказе, который выражен в конце уходом в благочестие нищего» (№ 4). Кюрибергер, явно полемизирующий в этом вопросе с Лормом, развивает совершенно иную точку зрения и признает, как в последнее время и Р. Траутман, что «Постоялый двор» представляет собой новеллу⁶³. В связи с рассказом «Постоялый двор» критик журнала «Blätter für literarische Unterhaltung» ставит вопрос, как долго русский народ, подобно лишенному родного дома и без усталости странствующему Акиму, должен будет «вымаливать у своих властителей право и справедливость и не находить ни того, ни другого» (№ 12).

Рассказ «Муму» получил всеобщее признание. Однако некоторые критики недовольны его окончанием; так, Лорм, хотя и признает, что рассказ «справдив и задумчив», но осуждает его финал, казующийся ему неоправданным. Он не может понять, «отчего немой, раз уж он бежал, чтобы вернуться в родную деревню, не взял с собой собачку, вместо того, чтобы ее утопить». Кюрибергер отвергает поверхностные заключения Лорма. Он рассуждает так: «Кто не догадывается, хотя Тургенев рассказывает просто и очень скупо, как велико было страстное возбуждение Герасима, когда он в ту ночь утопил свою собачку? Кто станет утверждать, что он вообще имел намерение бежать? Что, если только после убийства собачки невыносимая боль побудила его к бегству... Кому неизвестно, что человек бывает вынужден действовать более или менее безрассудно, когда все его силы преобразуются в страсть?» Исходя из этой точки зрения, которую разделяем и мы, Кюрибергер, однако, не делает вывода, что глухонемой, решив вернуться в деревню без разрешения помещицы, в известной степени нарушает основы крепостничества, требующие от крепостного абсолютного подчинения власти помещика⁶⁴.

Мнения о ценности рассказов, помещенных во втором томе мюнхенского издания, разделились. Так, например, анонимный рецензент журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes» заявляет, что по содержанию второй том «ни в каком отношении» не уступает первому (№ 16). Боденштедт в письме к Тургеневу от 2 июня 1866 г. утверждает, что второй том пользуется еще большим успехом, чем первый. Однако критик журнала «Blätter für literarische Unterhaltung» дает второму тому почти диаметрально противоположную оценку: «Как ни превосходна в данном томе рассказы Тургенева искусная, тонкая работа переводчика, все же с поэтической и художественной точек зрения отдельные произведения этого сборника нельзя оценить так же высоко, как содержание первого тома» (№ 12). Из трех рассказов, помещенных во втором томе, полное признание получила лишь повесть «Первая любовь», в то время как рассказ «Яков Пасынков», который сам Тургенев характеризовал как «неглубокий»⁶⁵, был большинством рецензентов обойден молчанием, а «Призраки» получили разпорочивую оценку.

В «Призраках» некоторые рецензенты восхищаются «оригинальной силой в описаниях» и оценивают каждый из отдельных этюдов как «шедевр» (№ 17 и 18). Пич в письме к Т. Шторму от 12 августа 1864 г. так характеризовал «Призраки»: «Это соединение сильнейшего и тончайшего реализма в картинах природы с самыми злоеющими призрачными существами вполне оригинально и оказывает именно то воздействие, какое должно быть пережито»⁶⁶. Рецензент «Blätter für literarische Unterhaltung» дает «Призракам» оценку совершенно отрицательную. Он полагает, что в этом рассказе нет ни малейшей «ясности и объективности». На основании описанных в рассказе событий, критик определяет его как окутанный поэтической мишурой «призрак безумия» (№ 19). Большая часть рецензентов сошлась на том, что рассказ Тургеневу не удался. На некоторые недостатки «Призраков» немецкая критика указывала, несомненно, справедливо. Главный из них заключается в композиционной дисгармонии и асимметрии, в совершенно несоответствующем реалистическому содержанию сюжете⁶⁷. Одной из причин отрицательной оценки рассказа послужило, вероятно, то, что рецензенты преувеличивали значение фантастического элемента, который в

а также Пруссии против Австрии (1866 г.), отвлекавшими в значительной степени интерес многих образованных читателей от современной беллетристики.

Нами уже было сказано, что французское издание «Scènes de la vie russe» послужило оригиналом не только для переводов рассказов «Муму» и «Яков Пасынков», но, по всей вероятности, и для перевода «Фауста». Как известно, Боденштедт к концу 50-х и к началу 60-х годов уже мало занимался русским языком и до 1863 г. не переводил с него каких-либо значительных произведений. Гораздо свободнее, чем русским, он владел в то время английским и французским языками.

Однако через десять месяцев после появления «Фауста» в «Russische Revue» Боденштедт приступил к переводу уже с русского языка рассказа «Поездка в Полесье»²⁹. Вначале работа над переводом была для него несколько затруднительной. 8 апреля 1863 г. он отмечает в дневнике: «Эту неделю я работал главным образом над переводом Тургенева (...), но пока дело подвигается медленно, как почти всегда, когда я только начинаю работу. К тому же язык его рассказов своеобразен и труден; мне часто приходится прибегать к словарю. Но чем дальше продвигается работа, тем легче. Когда я в течение некоторого времени не занимаюсь каким-либо языком, то мне кажется, что я его совершенно забыл. Но затем опять в него скоро вживаешься». Перевод «Поездки в Полесье» был закончен 3 апреля 1863 г. (см. запись в дневнике от 4 апреля), а 17 мая он сообщил Тургеневу, что отдал его для напечатания в одну мюнхенскую газету. Перевод появился в первый раз в мюнхенской газете «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung»³⁰. 10 мая 1863 г. Боденштедт переслал Тургеневу экземпляр этого перевода.

В начале лета 1863 г. Боденштедт собирался перевести повесть «Первая любовь». Тургенев писал Пичу 4/16 мая 1863 г.: «Bodenstedt, der sich jetzt mit meinen Sachen abgibt, wird die „Erste Liebe“ übersetzen»*. Однако это намерение, по-видимому, не было осуществлено ни в 1863, ни в следующем году. Перевод «Первой любви» появился впервые в 1865 г. в «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung»³¹. Почти в то же время он был напечатан во втором томе мюнхенского издания Ригера. Тургенев, которому Боденштедт посылал корректурные листы, отзывался с большой похвалой и об этом переводе, как видно из его письма к Боденштедту от 1/13 сентября 1865 г.: «Ich muß erröten, wenn ich (...) bedenke, daß ich Ihnen bis jetzt noch nicht geantwortet habe — und auch Ihnen den Dank schuldig geblieben bin für die Zusendung der Aushängebogen mit der ganz vortrefflichen Übersetzung der „Ersten Liebe“»**.

История перевода рассказа «Постоялый двор» нам неизвестна. Мы знаем, что Боденштедт в июле 1864 г. послал Тургеневу корректурные листы этого перевода. Свое удовлетворение им Тургенев выразил в письме к Боденштедту от 30 июня/12 июля 1864 г.: «Die Bogen des „Wirthshaus“ hab'ich bekommen — und die Vortrefflichkeit der Übersetzung wie immer bewundert»***.

Вот все, что мы можем сказать о переводах, появившихся в мюнхенском издании рассказов Тургенева. К сожалению, из-за отсутствия необходимых источников не всегда удалось точно установить, когда Боденштедт приступал к переводу каждого рассказа, как долго над ним работал и в какой газете или журнале он впервые был напечатан.

Как видим, Тургенев проявлял большой интерес к переводческой деятельности Боденштедта, однако непосредственное влияние его на работу переводчика мы могли установить лишь в отношении «Призраков» (см. об этом ниже). В основном Тургенев ограничивался чтением переведенных Боденштедтом произведений и, в немногих случаях, устранением мелких неточностей и ошибок.

* «Боденштедт, который сейчас занимается моими вещами, переведет „Первую любовь“» (нем.).

** «Мне приходится краснеть, когда я (...) вспоминаю, что я до сих пор не ответил вам — и даже не поблагодарил вас еще за присылку корректурных листов с прекрасным во всех отношениях переводом „Первой любви“» (нем.).

*** «Листы „Постоялого двора“ я получил — и по обыкновению подивился мастерскому переводу» (нем.).

БОДЕНШТЕДТ В ГОСТЯХ У ТУРГЕНЕВА В БАДЕНЕ (1863)

После встреч в Мюнхене в 1861 г. Тургенев увиделся с Боденштедтом лишь летом 1863 г.³² Вскоре после приезда в Баден Тургенев сообщил Боденштедту о своем новом местопребывании и пригласил его в гости³³. Боденштедт в дневнике 10 мая 1863 г. отмечает: «...получил письмо от Тургенева, который проведет лето в Баден-Бадене и приглашает меня к себе». В тот же день Боденштедт в ответном письме благодарит за приглашение и сообщает Тургеневу, что приедет к нему летом на несколько дней.

Боденштедт приехал в Баден 6 августа 1863 г. и провел в обществе Тургенева, П. Виардо, Клары Шуман, Марии Зеебах и других семь дней, до 13 августа. В трех неопубликованных письмах к жене от 7, 9 и 12 августа Боденштедт подробно рассказал о своих впечатлениях. Эти письма являются ценным материалом, освещающим еще недостаточно изученный баденский период жизни Тургенева. Мы выбрали из этих писем наиболее интересные для нас места.

1

Баден-Баден.
Пятница, 7 августа 1863 г.

«...Я прибыл в Баден при великолепной погоде и разыскал Тургенева, вернувшегося в превосходном настроении после своей поездки в Гейдельберг³⁴; он сразу же пригласил меня к обеду, где я сидел рядом с его восемнадцатилетней дочерью, которая очень мила и приятна, она находится на попечении английской гувернантки; за обедом я познакомился с бароном фон Крюденером, внуком госпожи фон Крюденер, знаменитой своими сочинениями и мистической дружбой с императором Александром I. Он, по-видимому, унаследовал мистические склонности своей бабушки, ибо объяснял все политические события с момента восшествия на престол Луи Наполеона на основании Апокалипсиса. Он казался чрезвычайно обрадованным личным знакомством со мной, но, мне представляется, не из-за моих сочинений (ибо он весьма слабо знаком с немецким языком), а благодаря энтузиазму, с которым ему рассказывала обо мне маркиза Донди в Италии³⁵. Госпожу Виардо я не мог видеть ни вчера, ни сегодня, так как несколько дней тому назад она вывихнула ногу и к тому же столь неудачно, что вчера пришлось наложить гипс, чтобы обеспечить ноге полную неподвижность и избежать опасных последствий. Она передала мне сегодня через своего мужа, что завтра непременно меня примет, хотя бы в постели, и попытается спеть мне песни³⁶. Сегодня Тургенев сводил меня к госпоже Зеебах, которая уже восемь дней живет здесь с мужем; он берет уроки пения у г-жи Виардо³⁷. О фрейлейн фон Гёргер Тургенев, со слов Виардо, высказывается довольно холодно. Голос ее находят красивым, ее же самое бездушной и лишенной глубокого понимания музыки <...>

Я обещал Тургеневу сегодня снова быть у него к обеду...»

2

Баден-Баден.
Воскресенье, 9 августа 1863 г.

«...Я встаю рано, выпиваю до девяти часов бутылку сельтерской воды, прогуливаясь с Тургеньевым по парку, затем завтракаю с ним в его очаровательно расположенном доме, приношу потом с почты письма и корректуры, в которых никогда не бывает недостатка, работаю до трех часов, купаюсь и в четыре часа обедаю у Тургенева. Вечером снова прогулка под прекрасную музыку из кургауза, где одновременно можно наблюдать проходящую мимо элегантную публику — ослепительное зрелище, которое, впрочем, скоро надоедает, по крайней мере я в первый же вечер им пресытился. В остроумной беседе с любезным Тургеньевым время проходит быстро и приятно, так что я не испытываю потребности ни в каком другом обществе и, по возможности, избегаю всяких новых знакомств...»

Баден-Баден.
Среда, 12 августа 1863 г.

«...Вчера я был на обеде у госпожи Виардо, которой снова немного лучше, и она пела для меня до глубокой ночи. Она одна из самых выдающихся женщин и самая гениальная артистка, какую я когда-либо видел или слышал. Звучат ли переведенные мной песни, которые она положила на музыку, так же хорошо в устах других певцов — я не знаю; в исполнении же Виардо они звучали чарующе и получили большое одобрение присутствовавших французских и немецких музыкантов. Музыканты здесь так и кипят, и все они хотят что-то сыграть или спеть мне, так что известие о моем внезапном отъезде неприятно поразит их и особенно г-жу Виардо, которая в понедельник выступает в Орфее, своей коронной роли...».

Боденштедт уехал из Бадена 13 августа 1863 г. В этот же день Тургенев послал ему на память о проведенных вместе днях свою фотографию.

РАБОТА БОДЕНШТЕДТА НАД ПЕРЕВОДОМ «ПРИЗРАКОВ»

«Призраки», оконченные Тургеневым в Бадене 13 июня 1863 г.³⁸, т. е. незадолго до приезда Боденштедта, были напечатаны лишь весной 1864 г. в журнале Достоевского «Эпоха». Боденштедт через своих русских друзей, вероятно, через О. Д. Хилкову (Нелидову), получил русский текст «Призраков» и не позже июня 1864 г. приступил к переводу. 1/13 июня 1864 г. Тургенев писал Боденштедту: «...ich habe eben einen Brief von Frau Nelidoff aus Kissingen bekommen: sie spricht mir viel von Ihnen und unter anderem von Ihrem Vorsatz, mein letztes Werkchen: „Призраки“ zu übersetzen»*.

Когда Боденштедт приступил к переводу «Призраков», рассказ этот не был еще переведен ни на один из иностранных языков³⁹. При переводе встретились некоторые лексические трудности. Боденштедт сообщил об этом Тургеневу в первом же письме, написанном после многомесячного перерыва — в середине июня 1864 г. — и просил найти немецкий эквивалент слову «ракита». 15/27 июня 1864 г. Тургенев ему ответил⁴⁰. К этому времени Боденштедт уже, по всей вероятности, перевел почти треть рассказа, ибо слово «ракита», встречающееся в оригинале три раза, в первой части перевода Боденштедта не содержится, а во второй половине переведено совершенно правильно. В том же письме Тургенев предлагал Боденштедту составить список всех непонятных ему слов и прислать этот список ему. 30 июня/12 июля 1864 г. Тургенев повторил то же предложение: «Vergessen Sie nicht, daß ich zu Diensten stehe, wegen etwaiger unverständlicher Worte in den „Visionen“»**. 29 июля Боденштедт послал Тургеневу список непонятных ему слов — вероятно, только из последней части рассказа, так как именно здесь нет существенных ошибок в переводе. Одновременно он послал Тургеневу рукопись перевода для просмотра и исправлений⁴¹. 20 июля/1 августа 1864 г. Тургенев следующими словами отозвался о переводе: «Tausend Dank <...> für das Manuskript. Heute lese ich es noch einmal mit M-me Viardot zusammen und schicke Ihnen morgen oder spätestens übermorgen meine Bemerkungen, die in sehr beschränkter Anzahl sein werden — da die Übersetzung vortrefflich ist, wie immer»***.

В это время в Бадене находился Пич. По желанию Тургенева, он, как и Полина Виардо, участвовал в просмотре перевода. 12 августа 1864 г. Пич писал из Бадена Т. Шторму: «Он <Тургенев.— X. P.> за это время написал удивительное фантастическое произведение — „Призраки“, только что переведенное Боденштедтом. Тебе оно

* «...только что получил письмо от госпожи Нелидовой из Киссингена: она много говорит мне о вас и, между прочим, о вашем намерении перевести мое последнее произведение „Призраки“» (нем.).

** «Не забудьте, что я к вашим услугам, если встретятся непонятные слова в „Призраках“» (нем.).

*** «Тысячу благодарностей <...> за рукопись. Сегодня я прочту ее еще раз вместе с г-жою Виардо и завтра, или, самое позднее, послезавтра, отправлю вам мои замечания, которых будет весьма ограниченное количество, ибо перевод, по обыкновению, превосходит» (нем.).

чрезвычайно понравится»⁴². Спустя двадцать лет Пич в «Vossische Zeitung» подробно рассказал об этом совместном чтении рукописи перевода. Вот этот, вероятно, местами идеализированный рассказ:

«Первым произведением Тургенева, написанным во время его пребывания в Баден-Бадене, была причудливая фантазия, в которой пытались найти много символических намеков, но которая в действительности представляет собой не больше, чем мечту реалиста: „Призраки“ или „Видения“ < „Visionen“ oder „Erscheinungen“ >. Последним словом Фридрих Боденштедт дал превосходный немецкий перевод русского



БАДЕН-БАДЕН. КУРЗАЛ И ПАРК

Гравюра братьев Руарг

Из книги: E. T e x i e r. Voyage pittoresque sur les bords du Rhin. Paris, 1858

заглавия этого рассказа <...> Ценимый Тургеневым за большие заслуги, переводчик и художник слова послал ему рукопись своего перевода для последнего просмотра. Я никогда не забуду тот августовский день, когда в маленькой уютной гостиной виллы Виардо, из окон которой видны были поднимающиеся за городом позолоченные горячими лучами солнца и поросшие лесом холмы, Тургенев вместе с хозяйкой дома и со мной принялся за проверку и шлифовку перевода. С русским оригиналом в руках, взвешивая каждое слово, прочитываемое мной по рукописи Боденштедта, он прислушивался к нашему мнению и нашим предложениям; в заключение мы путем голосования выбирали немецкое выражение, наиболее точно передающее тончайшие оттенки русской речи. Тургенев слишком редко имел возможность сам наблюдать за немецкими переводами своих произведений. Его переводчики — и не только на немецком языке — часто весьма сильно подводили его»⁴³.

14/26 апреля 1865 г. Тургенев просил Боденштедта прислать для просмотра корректурные листы «Призраков». 8/20 мая он переслал их Пичу, через руки которого и в последующие годы проходили многие корректуры немецких переводов его произведений: «Zugleich schicke ich Ihnen die Aushängebogen von den „Erscheinungen“, die Sie mir in Berlin gefälligst wieder zurückgeben werden»*.

* «Одновременно высылаю вам корректурные листы „Призраков“, которые прошу вас вернуть мне в Берлине» (нем.).

Сравнение немецкого текста «Призраков» с русским оригиналом показывает, что перевод хорош, а последняя его часть может быть названа даже превосходной. Но все же в нем имеются, хотя и незначительные, отклонения от русского текста, равно как и некоторые пропуски. На основании этого можно заключить, что Тургенев, по-видимому, лишь бегло сравнивал перевод с русским текстом, обращая особое внимание на устранение грубых смысловых ошибок. Тщательная проверка перевода показывает, что рассказ Пича в «Vossische Zeitung», по крайней мере в некоторых местах его воспоминаний, не вполне точен.

МЮНХЕНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОВЕСТЕЙ ТУРГЕНЕВА В ОЦЕНКЕ НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ КРИТИКИ

Как известно, некоторые произведения Тургенева были переведены на немецкий язык уже в начале 50-х годов. Первыми переводчиками Тургенева были Август Видерт, Август-Больц и Пауль Фукс. С начала 60-х годов заслуга ознакомления Германии с Тургеневым принадлежит, помимо Боденштедта, Морицу Гартману и Вильгельму Вольфзону. В издаваемом с 1862 г. Вольфзоном журнале «Russische Revue» (с 1864 г. выходил под названием «Nordische Revue») произведения Тургенева занимали значительное место. Помимо рассказа «Фауст» в переводе Боденштедта, здесь были напечатаны рассказы «Муму»⁴⁴, «Постоялый двор»⁴⁵ и несколько глав из романа «Отцы и дети»⁴⁶.

Несколько переводов рассказов Тургенева, не известных до сих пор исследователям его творчества, появлялись, начиная с 1863 г., в «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung». Помимо уже упомянутых повестей «Поездка в Полесье» и «Первая любовь» в переводе Боденштедта, в этой газете с 11 по 23 июля 1864 г. печаталась «Ася» в переводе Генриха Ноэ⁴⁷.

Но эти переводы не увеличили круга читателей Тургенева. Пич в 1883 г. вспоминал об этом времени: «Однако лед все еще не тронулся. Нашей читающей публике Тургенев оставался чужд»⁴⁸. Такое положение коренным образом изменилось с появлением мюнхенского издания рассказов. Поэтому можно считать это выпущенное по инициативе Боденштедта издание поворотным пунктом в истории ознакомления Германии с творчеством Тургенева и одновременно очень важным событием в истории германо-русских литературных связей во второй половине XIX в.⁴⁹ Это прежде всего относится к буржуазно-демократической и либеральной критике.

Новое к нему отношение не ускользнуло от внимания Тургенева. 23 февраля/7 марта 1865 г. он писал Боденштедту: «Es freut mich sehr, daß Ihre Arbeit Anerkennung findet, und ich hoffe, daß der 2-te Band, von dem Sie mir schreiben, mit demselben Wohlwollen aufgenommen werden wird — da jetzt die Bahn einmal gebrochen ist»*. Основанием для слов Тургенева о расчищенном пути послужили многочисленные рецензии, в которых, за исключением одной⁵⁰, был дан благоприятный отзыв о его произведениях. В письме, посланном 2/14 декабря 1864 г. из Бадена Анненкову, Тургенев сообщал: «Что касается меня, то я по-прежнему здоров, езжу на охоту, и вам, может быть, только приятно будет услышать, что перевод моих вещей, сделанный Боденштедтом, пользуется успехом; мне то и дело присылают вырезки из журналов с самыми любезными рецензиями».

После появления мюнхенского двухтомного издания начинается широкое ознакомление Германии с творчеством Тургенева. В 70-х и 80-х годах он стал самым любимым и наиболее читаемым русским писателем в Германии и оценивался немецкой критикой как один из самых значительных современных новеллистов. Эта оценка отразилась и в истории новейшей мировой литературы Адольфа Штерна. В изданном в 1885 г. седьмом томе этого труда, охватывающем период с 1850 г. до «наших дней», Тургеневу посвящено десять страниц, Теккерю — одиннадцать страниц, в то время как Льву Толстому и Достоевскому, которые лишь к концу XIX в. оспорили место

* «Меня очень радует, что ваш труд оценен по достоинству, и я надеюсь, что 2-й том, о котором вы мне пишете, будет принят так же благосклонно, благо путь ему расчищен» (нем.).

Тургенева в Германии, было уделено: первому — немногим больше одной страницы, а второму — около двух⁵¹.

Девять рецензий о собрании рассказов Тургенева были разысканы и рассмотрены И. Эйхгольцем⁵². Эйхгольд просмотрел всего шесть газет и журналов. При просмотре более чем тридцати других периодических изданий мы обнаружили еще одиннадцать рецензий на мюнхенское издание, которые не были приняты во внимание последователями творчества Тургенева.



БАДЕН-БАДЕН. ГАЛЕРЕЯ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Гравюра И. Поппеля с рисунка Р. Хёфле

Из книги: J.-W. A p r e i. Der Rhein und die Rheinlande... T. I. Darmstadt, 1861

Эти двадцать рецензий, несомненно, не дают исчерпывающей картины. Весьма вероятно, что в менее значительных газетах и, особенно, в газетах южнонемецких областей; которые нам, за немногими исключениями, не были доступны, также были помещены рецензии. Однако значительная часть самой влиятельной политической и литературной периодики в нашем распоряжении была, так что эти рецензии довольно полно и наглядно отражают общую литературную оценку творчества Тургенева немецкой и австрийской либеральной буржуазией. (В немногих газетах немецкого и австрийского пролетариата, в отличие от последних лет XIX в., литературные новости тогда почти не освещались.)

Все критики хвалят удачные переводы рассказов Тургенева и в лестных словах превозносят переводческий талант Боденштедта. Нет смысла в рамках нашей статьи излагать эти отзывы. Следующие слова анонимного рецензента журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes» дают нам некоторое представление о том, как высоко ставили немецкие критики Боденштедта как переводчика: «Современная русская литература едва ли могла желать себе лучшего переводчика в Западной Европе, чем задушевного немецкого поэта Боденштедта...» (№ 8)*. Мориц Гартман также

* Здесь и дальше при цитировании критических отзывов на мюнхенское издание повестей Тургенева указываются в скобках их порядковые номера в библиографии рецензий, приложенной к настоящей статье.

признает Боденштедта выдающимся переводчиком; однако он, единственный из критиков, ставит Боденштедту в упрек, что тот недостаточно передает дух оригинала. Давая общую оценку мюнхенского издания, Гартман писал: «Излишне добавлять, что перевод Боденштедта является не дюжинным или ремесленным, а переводом поэта поэтом, — если можно так выразиться; перевод Боденштедта слишком хорош, слишком гладок: нам хотелось бы, чтобы он ввел в него более ярко выраженную русскую интонацию и национальный характер, не считаясь при этом с опасностью некоторого нарушения правильности немецких оборотов и способа выражения. При гибкости немецкого языка к этому не пришлось бы даже прибегать, а перевод, даже будучи не столь гладок, все же вернее передавал бы сокровенный характер оригинала» (№ 14).

Сравнение перевода с русским текстом показывает, что Боденштедт ни в какой мере не пренебрегал национальными особенностями произведений Тургенева. Перевод этот подтверждает, что он обладал даром проникновения в дух чужого народа, в суть и форму произведений русского писателя. В предисловии к собранию рассказов Боденштедт сам указывает, что он главным образом стремился к возможно более точной передаче национальных особенностей творчества русского писателя⁵³. Гартман совершенно правильно отмечал, что переводы Боденштедта «слишком гладки». Законченность формы вообще является основой переводческих принципов Боденштедта. Он пишет об этом в связи с переводом стихотворений Лермонтова: «Как известно, существует два признанных метода перевода: дословный и свободный. На неизбежный вопрос о том, какого метода я придерживался, я должен честно ответить: ни того, ни другого. Доверяя высокому совершенству, богатству и гибкости немецкого языка, я ставил себе целью передать всю свежесть красок оригинала, нисколько его не изменяя, не преступая меры прекрасного. Поэтому, когда я приближаюсь к моей цели, перевод должен читаться как законченное самостоятельное произведение, и одновременно с этим в нем не должна отсутствовать ни одна существенная черта подлинника. Эта цель достижима, ибо немецкий язык представляет собой инструмент, из струн которого музыкальные пальцы могут извлечь всевозможные мелодии; а если где-нибудь музыка звучит фальшиво, вина в этом не инструмента, а самих музыкантов»⁵⁴.

Переводы рассказов Тургенева, выполненные в соответствии с изложенными принципами, нашли, как сказано выше, признание Тургенева. Подобную оценку получили далеко не все его переводчики. Достаточно часто Тургенев резко осуждал неточные переводы, не соответствовавшие духу оригинала⁵⁵. Ввиду этого многочисленные положительные отзывы Тургенева мы можем принять за выражение его согласия с переводческим методом Боденштедта.

* * *

Мюнхенское издание рассказов, составленное из семи вещей, ознакомило немецких и австрийских критиков лишь с относительно небольшой частью творчества Тургенева. Поскольку большинству рецензентов не были известны никакие другие его произведения, кроме «Записок охотника», рассказы, помещенные в мюнхенском издании, были для них главным основанием для суждения о таланте Тургенева. Этим объясняется, что многие рецензенты лишь робко и неуверенно подходили к обобщающей оценке творчества писателя. Вследствие недостаточного знакомства с его творчеством в целом, суждения эти часто поверхностны и даже неверны. Главный недостаток большей части рецензий заключается в том, что критиками не до конца понят реалистический метод Тургенева. Однако приведенные нами далее высказывания показывают, что в рецензиях встречаются и правильные суждения и оценки, способствовавшие росту славы Тургенева в Германии.

Первыми немецкими критиками, указавшими в середине 60-х годов на европейское значение Тургенева, были Боденштедт и Гартман. Уже во введении к «Русским фрагментам», написанном в 1861 г., Боденштедт утверждал, что произведения Тургенева и Гончарова «равны произведениям лучших современных новеллистов Англии, Германии и Франции»⁵⁶. В предисловии к первому тому рассказов Тургенева он писал:

«Искусство изображения, которое воздействует с помощью самых простых средств и немногими полными жизни штрихами, делает осязаемыми чуждых нам людей и обстановку; острота характеристик, запечатлевающая в памяти самую сущность каждого отдельного человека; благородная простота речи, далекой от всякой напыщенности; беспощадная правдивость и вытекающий из глубины души тонкий юмор — вот в коротких словах все те качества, которыми отличаются охотничьи очерки Тургенева и которые мы вновь встречаем в его рассказах, притом еще в большей степени, благодаря чему Тургенев занимает выдающееся место среди лучших новеллистов нашего времени (не только в России). В области искусства ему равны немногие, и он никем не превзойден. Тонкое чувство стиля позволяет ему взять в каждом из рассказов правильный тон и найти подходящую раму»⁵⁷.

Предисловие Боденштедта к первому тому рассказов Тургенева, из которого мы привели лишь основную его часть, является в Германии первой серьезно продуманной оценкой творчества писателя. В своем суждении Боденштедт обнаруживает глубокое проникновение в душевный склад Тургенева и понимание художественных достоинств его рассказов. Многие критики опирались в известной мере на это предисловие Боденштедта. М. Гартман, причисляя Тургенева к лучшим современным авторам, пишет: «У нас имеются в переводе все сочинения Диккенса, Теккерея, Жорж Санд, Бальзака, почему же нам не сделать своим и Тургенева, который вместе с ними принадлежит к числу лучших писателей нашего времени?» Сравнивая Тургенева с Пушкиным и Лермонтовым, Гартман склонен признать за Тургеневым как прозаиком преимущество по сравнению с ними (№ 14). Карл Френцель полагает, что в XIX в. нельзя требовать от писателя абсолютной оригинальности, ибо наследие прошлого слишком богато, чтобы в новых литературных произведениях нельзя было найти следы старого. Затем он продолжает: «Но у Тургенева в изображении и форме его сюжетов преобладает оригинальный дух, своеобразное восприятие...». Поэтому он причисляет Тургенева к настоящим, самобытным писателям, какие все реже и реже встречаются в Европе (№ 18).

Фердинанд Кюрнбергер определяет Тургенева как «Шекспира рассказа». Однако его доказательства этой характеристики носят ярко выраженный мистический характер и ни в какой мере не убеждают⁵⁸.

Мориц Карриер в своей рецензии противопоставляет рассказы Тургенева «Этюд-дам» австрийского писателя Адальберта Штифтера (1805—1868). Он приходит к выводу, что произведения славянского писателя более задушевные. Вместо «детальных описаний» Штифтера, через посредство которых он шаг за шагом наглядно показывает действительность и за внешним обликом позволяет угадать внутренние качества людей, Тургенев дает читателю возможность непосредственно видеть душу своих персонажей (№ 2). Отто Банк тоже сравнивает Тургенева со Штифтером, особо подчеркивая в творчестве обоих писателей мастерские описания природы. Однако, по его мнению, Тургенев «безусловно более крупный, более многосторонний и глубокий талант». Он обосновывает свою точку зрения следующими словами: «В то время как для Штифтера главным является описание природы и человек предстает лишь в виде оживляющего картину аксессуара, русский поэт умеет видеть человеческое сердце в самых глубоких его тайниках и обнажить его перед нами; он проявляет себя как первоклассный мастер создания человеческих характеров. Но это обусловливается не его стилем, а реальной правдой его произведений <...> Среди пейзажистов в литературе он представляет собой подлинного мастера, который без предвзятого плана, но с поэтической мечтательностью передает всю реальность данного момента» (№ 11).

С некоторыми выводами Банка и Карриера можно согласиться и сегодня. Несомненно, Тургенев имеет перед австрийским писателем то преимущество, что он почти во всех своих крупных произведениях последовательно и критически пытался художественно отразить современные ему идейные и политические течения в России, в то время как Штифтер, «просвещенный» представитель умеренного австрийского либерализма и видный писатель времен Меттерниха, спасался бегством в природу от острых проблем своего времени, с которыми он не мог справиться⁵⁹. Реалистические

тенденции в творчестве Штифтера — по сравнению с критическим реализмом Тургенева — не имеют достаточно глубокого общественного значения. «Реализм» Штифтера с его традиционным содержанием не выходит за границы описательного жанра.

Анализируя рассказ «Призраки», Карл Френцель устанавливает мотивы, совпадающие с произведениями Эдгара По, и высказывает в связи с этим предположение, что «Призраки» обязаны своим происхождением «Tales of mystery» североамериканского писателя, которому в этом жанре он, не раздумывая, оказывает предпочтение перед Тургеневым⁶⁰. Френцель пишет: «Начатая в стиле По, эта фантазия, как и мистические рассказы американского писателя, заканчивается вопросительным знаком <...> Много лет тому назад Шарль Нодье с таким же незначительным успехом пытался описать подобную жизнь в мечтах; ему, как и Тургеневу, не хватало естественнонаучных знаний, тонких психологических наблюдений над лунатиками и загнипнотизированными, знаний, отличающих фантастику По <...> Сновидения Тургенева только раздражают, не давая удовлетворения» (№ 18).

Положительную по существу оценку творчества Тургенева дал Иеронимус Лорм. Он ценил Тургенева как «превосходного писателя», которому не мешает даже то, что у него ясно чувствуется школа Гете, ибо «известная степень конгенальности» все еще оставляет ему «достаточно оригинальности и значительности». Однако Лорм возражает против «преувеличенной» оценки Боденштедта, считавшего Тургенева первым в ряду лучших современных беллетристов: «Если мы обратимся только к новейшей эпохе, то и тут мы имеем в Германии Готфрида Келлера, во Франции Проспера Мери́ме, которые превосходят русского писателя, весьма, впрочем, достойного уважения» (№ 4).

Особенно примечательным свойством творчества Тургенева критики, как это показала уже рецензия Банка, считали его силу в изображении типических характеров, так же как изумительную наблюдательность и необычайное мастерство при описании русской природы. Немецкая критика отмечала также столь важный для писателя дар «краткости и выразительности» (№ 5), «классически законченную форму» его рассказов (№ 18) и особенно способность Тургенева с помощью простых средств достигать больших результатов, причем простота изображения являлась следствием его стремления выводить все события, выхватываемые им из жизни, из естественного строя человеческой души (№ 10). Именно эти художественные особенности побуждали Лорма рекомендовать «немецким романистам» описанные Тургеневым с «благородным спокойствием и уверенностью» характеры людей, картины природы и человеческой жизни для изучения и подражания (№ 4).

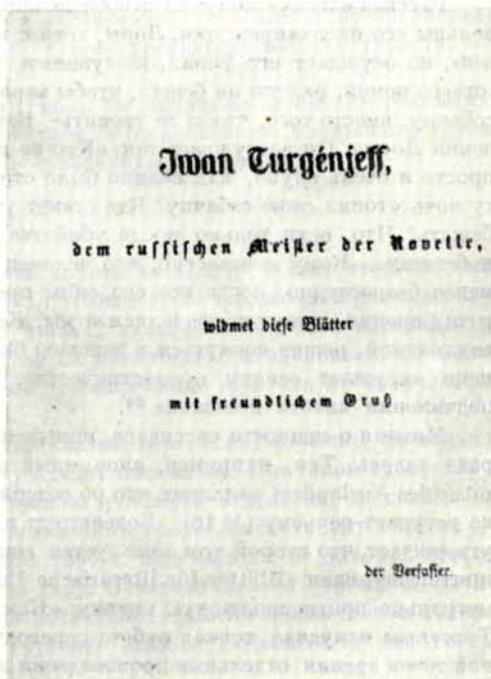
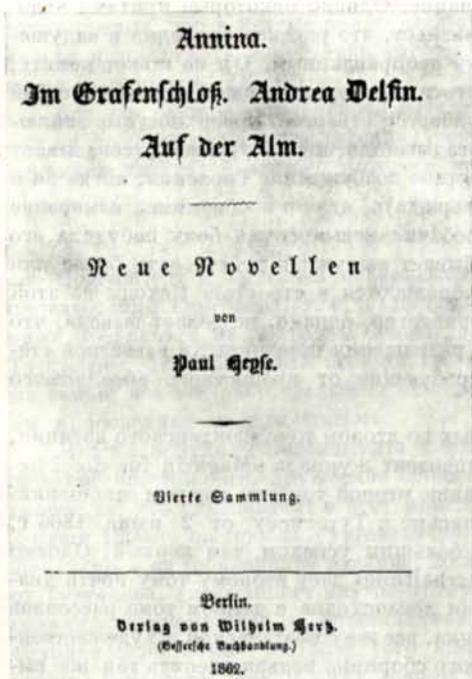
Критика социальных отношений в рассказах «Муму» и «Постоялый двор» была понята некоторыми рецензентами более или менее ясно. Так, например, рецензент «Blätter für literarische Unterhaltung» писал по поводу «Муму»: «Тургенев изображает в повести это безжалостное, лишенное всякого человеческого оправдания, барство <...> пламенными, но отнюдь не преувеличенными красками, и он открывает тем самым главную причину русских бедствий, основательное искоренение которой нужно рассматривать как первое требование этого народа...» (№ 12). Роберт Пруд приходит к заключению, что обе повести, в которых описываются подлинные события, наглядно показывают беспомощное положение тех, кому приходится носить ярмо, и моральное вырождение тех, кто это ярмо налагает. По его мнению, моральный упадок высших классов в России обусловлен, главным образом, существованием крепостного права (№ 1).

Немецкие критики особенно подчеркивали беспомощное положение сельского населения, его безусловную покорность помещику и вместе с тем указывали на духовное превосходство крестьян, на их душевное благородство. Тем не менее, даже Пруд, очень подробно писавший об этих рассказах и оценивающий их весьма высоко, утверждал: «...все здесь мрачно, тоскливо и безнадежно, как серая стена, которая подобно вечности расстилается перед путником и один вид которой парализует его и наполняет его сердце ледяным страхом» (№ 1). На основании этого Пруд, как и Карриер, оценивает «Муму» и «Постоялый двор» как глубоко

мрачные произведения (№ 1 и 2). По мнению Лорма, «оба последних этюда едва ли могут быть названы повестями, не говоря уже о том, что они не поэтичны, ибо в них нет ничего, что говорило бы «об идеале» (№ 4). Подобные же взгляды высказывались и русской либеральной критикой, как, например, Дружининым и Дудышкиным⁶¹.

* * *

В первом томе критикам понравился больше всего «Фауст» — один из лучших рассказов XIX в. О нем отзывались как о жемчужине повествовательного искусства (№ 18). Неудовольствие возбуждали лишь «мистические приправы», в которых находили отзвуки гофмановской романтики (№ 1). По мнению К. Френцеля, «„Фауст“,



СБОРНИК РАССКАЗОВ ПАУЛЯ ГЕЙЗЕ «NEUE NOVELLEN» (BERLIN, 1862),
ПОСВЯЩЕННЫЙ ТУРГЕНЕВУ

Титульный лист и форзац книги с посвящением:

«Ивану Тургеневу, русскому мастеру новеллы, с дружеским приветом посвящает эти страницы автор»⁶²

в котором Тургенев поставил перед собой сложную задачу и высказал несколько поразительно глубоких мыслей и психологических истин, в конце концов вырождается в слишком уж романтическую историю с привидениями» (№ 6). Почти никто из рецензентов не понял заключительной части рассказа.

«Поездка в Полесье» вызвала единодушные похвалы за мастерское описание природы. Пруц называет ее «великолепным произведением, полным чистейшей и возвышеннейшей поэзии» (№ 1), а Френцель оценивает как «самый прекрасный рассказ во всем томе» (№ 6). Однако большинство считало, что это произведение представляет собой только этюд, лишенный необходимой для рассказа собственно новеллистической основы (№ 1), или, как пишет Карриер, что это произведение возбуждает интерес читателя, но не удовлетворяет его (№ 2). Впрочем, и сам Тургенев никогда не причислял этот рассказ, составляющий вместе с «Призраками» и «Довольно» как бы трилогию, к новеллам⁶².

Но Лорм не считает новеллой и «Постоялый двор»; этот рассказ, по его мнению, в лучшем случае, является «превосходной картиной нравов», ибо для новеллы в точном смысле этого слова рассказу недостает «какого бы то ни было идеального интереса»; никто, продолжает он, не увидит его в «трагическом отказе от права и справедливости, отказе, который выражен в конце уходом в благочестие нищего» (№ 4). Кюрнбергер, явно полемизирующий в этом вопросе с Лормом, развивает совершенно иную точку зрения и признает, как в последнее время и Р. Траутман, что «Постоялый двор» представляет собой новеллу⁶³. В связи с рассказом «Постоялый двор» критик журнала «Blätter für literarische Unterhaltung» ставит вопрос, как долго русский народ, подобно лишенному родного дома и без усталости странствующему Акиму, должен будет «вымаливать у своих властителей право и справедливость и не находить ни того, ни другого» (№ 12).

Рассказ «Муму» получил всеобщее признание. Однако некоторые критики недовольны его окончанием; так, Лорм, хотя и признает, что рассказ «справдлив и задушевен», но осуждает его финал, кажушийся ему неоправданным. Он не может понять, «отчего немой, раз уж он бежал, чтобы вернуться в родную деревню, не взял с собой собачку, вместо того, чтобы ее утопить». Кюрнбергер отвергает поверхностные заключения Лорма. Он рассуждает так: «Кто не догадывается, хотя Тургенев рассказывает просто и очень скупо, как велико было страстное возбуждение Герасима, когда он в ту ночь утопил свою собачку? Кто станет утверждать, что он вообще имел намерение бежать? Что, если только после убийства собачки невыносимая боль побудила его к бегству... Кому неизвестно, что человек бывает вынужден действовать более или менее безрассудно, когда все его силы преображаются в страсть?» Исходя из этой точки зрения, которую разделяем и мы, Кюрнбергер, однако, не делает вывода, что глухонемой, решив вернуться в деревню без разрешения помещицы, в известной степени нарушает основы крепостничества, требующие от крепостного абсолютного подчинения власти помещика⁶⁴.

Мнения о ценности рассказов, помещенных во втором томе мюнхенского издания, разделились. Так, например, анонимный рецензент журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes» заявляет, что по содержанию второй том «ни в каком отношении» не уступает первому (№ 16). Боденштедт в письме к Тургеневу от 2 июня 1866 г. утверждает, что второй том пользуется еще большим успехом, чем первый. Однако критик журнала «Blätter für literarische Unterhaltung» дает второму тому почти диаметрально противоположную оценку: «Как ни превосходна в данном томе рассказов Тургенева искусная, тонкая работа переводчика, все же с поэтической и художественной точек зрения отдельные произведения этого сборника нельзя оценить так же высоко, как содержание первого тома» (№ 12). Из трех рассказов, помещенных во втором томе, полное признание получила лишь повесть «Первая любовь», в то время как рассказ «Яков Пасынков», который сам Тургенев характеризовал как «неглубокий»⁶⁵, был большинством рецензентов обойден молчанием, а «Призраки» получили разноречивую оценку.

В «Призраках» некоторые рецензенты восхищаются «оригинальной силой в описаниях» и оценивают каждый из отдельных этюдов как «шедевр» (№ 17 и 18). Пич в письме к Т. Шторму от 12 августа 1864 г. так характеризовал «Призраки»: «Это соединение сильнейшего и тончайшего реализма в картинах природы с самыми зловещими призрачными существами вполне оригинально и оказывает именно то воздействие, какое должно быть пережито»⁶⁶. Рецензент «Blätter für literarische Unterhaltung» дает «Призракам» оценку совершенно отрицательную. Он полагает, что в этом рассказе нет ни малейшей «ясности и объективности». На основании описанных в рассказе событий, критик определяет его как окутанный поэтической мишурой «призрак безумия» (№ 19). Большая часть рецензентов сошлась на том, что рассказ Тургеневу не удался. На некоторые недостатки «Призраков» немецкая критика указывала, несомненно, справедливо. Главный из них заключается в композиционной дисгармонии и асимметрии, в совершенно несоответствующем реалистическому содержанию сюжету⁶⁷. Одной из причин отрицательной оценки рассказа послужило, вероятно, то, что рецензенты преувеличивали значение фантастического элемента, который в

рассказе выполняет лишь вспомогательную функцию, а именно, связывает ряд картин действительности, композиционно между собой не связанных⁶⁸. Несомненно, многие критики в своей отрицательной оценке «Призраков» опирались и на замечание самого Тургенева о том, что «Призраки» не могут претендовать на признание их «подлинно художественным произведением»⁶⁹.

Всеобщие похвалы критики, как уже отмечено выше, вызвала повесть «Первая любовь». Ни один из рецензентов не мог остаться равнодушным к очарованию «таинственного лирического настроения», «волшебного аромата», «магического сияния», «неискушенной юности», озаряющему эту повесть. Рецензентам понравилась «легкая, естественная группировка материала», а также «простота, правдивость и красота» изображения (№ 16—18). Содержание повести побудило некоторых критиков к размышлениям о русских общественных отношениях. Так, например, рецензент «Blätter für literarische Unterhaltung» высказывает типичную для немецкого либерализма точку зрения, что в России право, свобода и человеческое достоинство не могли развиться и достигнуть какой-либо высоты, ибо основа государственного устройства — семья — непрочна (№ 19).

Все эти оценки мюнхенского издания, сколь бы спорными и противоречивыми они ни представлялись нам сегодня, способствовали пробуждению у большого круга немецких читателей живого интереса к произведениям Тургенева.

* * *

Боденштедт и Тургенев переписывались вплоть до выхода в свет второго тома произведений Тургенева, т. е. до конца 1865 г. После этого письменная связь между ними прервалась на полгода. Боденштедт лишь 2 июня 1866 г. вновь обратился к Тургеневу. Он оправдывал свое долгое молчание занятостью, нездоровьем, болезнями семьи; все эти обстоятельства мешали ему своевременно ответить на полученные им в последние месяцы письма.

Что же побудило Боденштедта к возобновлению переписки? Конечно, не только желание восстановить дружеские связи с русским писателем. Причиной здесь было скорее то, что Боденштедт в этот момент сильно нуждался в деньгах. В письме от 2 июня 1866 г. он просит Тургенева по возможности скорее выслать ему остаток — 250 талеров за мюнхенское издание. 20 июня 1866 г. Боденштедт, не получив ответа от Тургенева, вновь пишет ему по этому же делу. Ответное письмо Тургенева, датированное 25 июня 1866 г., остававшееся до последнего времени неизвестным, теперь опубликовано нами⁷⁰. После того как Тургенев выслал Боденштедту требуемую сумму, переписка между ними прекратилась.

Отношения между Боденштедтом и Тургеневым были по-настоящему плодотворны лишь в течение пяти лет. Однако роль, какую Боденштедт в течение этого времени сыграл в качестве переводчика произведений Тургенева, убеждает нас в его большой культурно-исторической заслуге в деле ознакомления Германии с творчеством Тургенева.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Настоящая статья является частью моей диссертации «Связи Боденштедта с Россией и русской литературой, с особым учетом его заслуг в ознакомлении Германии с творчеством Тургенева и И. С. Аксакова».

² М. И. Семевский. Поэт и профессор Фридрих Боденштедт. 1819—1887. — «Русская старина», 1887, № 5, стр. 407—503. — Статья Семевского содержит следующие разделы: I. Фр. Боденштедт, очерк его биографии; II. Воспоминания его о пребывании в России в 1841—1845 гг.; III. Переписка Ив. Серг. Тургенева с Фр. Боденштедтом в 1861—1865 гг.; IV. Поэт С. Я. Надсон и Фр. Боденштедт в 1885—1887 гг. В дальнейшем при ссылках указывается: «Русская старина»; J. Eichholtz. Turgenew in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883. — «Germanoslavica», 1931/1932, Н. 1, 4, S. 43—54, 557—593; E. Н о с к. Turgenew und die deutsche Literatur. Diss. Göttingen, 1953, S. 116—121.

³ Мюнхенский дневник охватывает период с 21 февраля 1855 г. по 13 апреля 1865 г. Выдержки из него опубликовал K. S u n d e r m e y e r. Friedrich Bodenstedt und die

«Lieder des Mirza-Schaffy». Kiel, 1930, S. 105—125; см. его же публикацию: Fr. Bodenstedt in München. Ungedruckte Tagebuchblätter mit einer Einleitung. Hrsg. von K. Sundermeyer. — «Mitteilungen für Literatur und Theater». Kiel, 1930, № 2, Dezember, S. 1 и сл., а также: K. Engelmann n. Momentbilder aus Münchens erster Blütezeit. Aus Bodenstedts Münchener Tagebüchern. — «Der Sammler». Unterhaltungs- und Literaturbeilage der Münchener-Augsburger Abendzeitung, 1929, № 101—102, 2. — 3. VII. — Рукопись дневника Боденштедта находится у Т. Энгельмана в Мюнхене.

⁴ Тург АН. Письма, т. IV—VI.

⁵ См. «Русская старина», стр. 444. — «Дворянское гнездо» Боденштедт читал по отдельному изданию Глазунова, 1859. Эту книгу он получил от своей приятельницы О. Д. Хилковой.

⁶ 24 апреля/6 мая 1861 г. Тургенев писал своей дочери: «Je suis arrivé ici avant-hier soir à 10 h. — pas mal fatigué — mais une bonne nuit dans un lit bien propre et sans édretons à l'allemande m'a vite réconforté. J'ai visité le matin les curiosités de la ville». («Я прибыл сюда третьего дня вечером в 10 ч. — порядком измученный; однако ночь, хорошо проведенная в опрятной постели и без немецких пуховиков, быстро восстановила мои силы. Утром я осмотрел достопримечательности города.»)

⁷ Генрих Зибель (1817—1895) — немецкий историк и политический деятель; Франц Кобель (1803—1882) — профессор минералогии, поэт; о Мельхиоре Мейре см. выше, на стр. 330; Морис Карриер (1817—1895) — философ и поэт, профессор эстетики. Упомянутый здесь Юстус Либих на вечере не присутствовал. Кроме названных Боденштедтом лиц, был приглашен Пауль Гейзе, которому болезнь помешала принять это приглашение — см. запись в его дневнике от 6 мая 1861 г. (Дневники Гейзе хранятся в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки, Мюнхен.)

⁸ Дневник М. Мейра с 1859 по 1861 г. находится в Отделе рукописей Баварской государственной библиотеки.

⁹ Некоторые западные литературоведы, особенно во Франции и в Англии, вплоть до начала XX в. считали, что произведения Тургенева способствовали отмене крепостного права в России (см. статью М. П. Алексеева «Мировое значение „Записок охотника“». — Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. М., 1953, стр. 112). Это мнение можно встретить и в немецкой литературе у Тургенева в последние десятилетия XIX в. М. Карриер, один из собеседников на вечере у Боденштедта, говорит о Тургеневе: «... побуждаемый им, Александр II решил отменить крепостное право» (M. Carrière. Die Kunst im Zusammenhang mit der Kulturentwicklung und die Ideale der Menschheit, Bd. 5., Leipzig, 1886, S. 627).

¹⁰ F. Bodenstedt. Ausgewählte Dichtungen. Berlin, 1864, S. 84. Те же мысли, что и в этом стихотворении, он выражает в книге: F. Bodenstedt. Aus meinem Leben. Erinnerungsbücher. (Eines Königs Reise.) Berlin, <б. г.>, S. 17.

¹¹ L. Pietsch. Pauline Viardot-Garcia. Persönliche Erinnerungen. — «Velhagen und Klasing's Monatshefte», 1904/05, I. Bd., S. 214. См. также: L. Pietsch. Pauline Viardot. Persönliche Erinnerungen. — «Vossische Zeitung», 1910, № 247, 29. V.

¹² В неопубликованном письме Боденштедта к Паулю Гейзе от 16 ноября 1861 г. есть строки: «О Тургеневе я за последние три месяца ничего не слыхал и полагаю, что едва ли он приедет в этот год в Мюнхен. Из-за хлопот, связанных с освобождением крестьян, он, по-видимому, задерживается в своих имениях» (оригинал письма хранится в архиве Пауля Гейзе в отделе рукописей Баварской государственной библиотеки).

¹³ Предположение, будто Тургенев послал Боденштедту французское издание своих повестей потому, что последний якобы недостаточно знал русский язык (см. ЛА т. III, стр. 217), ни на чем не основано. Тургенев просил переслать Боденштедту эту книгу до отправки русского издания, которого у него не было под рукой.

¹⁴ Речь идет об издании: Сочинения И. С. Тургенева, исправленные и дополненные. Изд. Н. А. Основского, 5 томов. М., 1860—1861. — Боденштедт внес в роспись своих книг за 1857—1861 гг. только четыре тома этого издания (роспись книг находится в частном собрании в Ганновере). Майское письмо Тургенева к И. И. Маслову до нас не дошло; напоминание о просьбе — см. в письме к нему от 7/19 июня 1861 г.

¹⁵ Матильда Боденштедт, урожденная Остервальд; с 1850 г. — жена Боденштедта; обладала незаурядным музыкальным талантом и прекрасным голосом, за который Боденштедт в письмах и стихах часто называл ее «маленьким соловьем». Она положила на музыку, кроме стихов других поэтов, множество стихотворений своего мужа. Ее сочинения теперь забыты; но в то время они получали одобрение А. Рубинштейна, Ф. Маршнера, Ф. Листа, часто аккомпанировавших ей. Матильда Боденштедт пробовала свои силы и в литературе (M. Bodenstedt. Marie und Elsbeth. Eine Erzählung für Mädchen von acht bis vierzehn Jahren. Kassel, 1853).

¹⁶ См. в настоящем томе письмо Боденштедта к Тургеневу от 25 декабря 1861 г.

¹⁷ Обиходное наименование «Sternzeitung» получила основанная в 1860 г. официальная газета «Preußische Zeitung» в отличие от «Neue Preußische Zeitung», которую называли «Kreuzzeitung». В заголовке первой из этих газет была изображена звезда, второй — крест. «Preußische Zeitung» прекратила свое существование в 1862 г.; как ее продолжение стала выходить газета «Berliner Fremdenblatt».

¹⁸ F. B o d e n s t e d t. Ein Dichterleben. Berlin, 1893, S. 122. — Нам не удалось получить «Preußische Zeitung», вследствие чего мы не могли проверить, был ли помещен в этой газете какой-нибудь рассказ Тургенева в переводе Боденштедта. Но так как упомянутые Боденштедтом в письме переводы были обнаружены нами в других газетах и журналах, можно думать, что в «Preußische Zeitung» они не появлялись.

¹⁹ «Neues Frankfurter Museum». Beilage der «Zeit», 1861, Bd. 3, № 153, 29.IX.

²⁰ «Edelfrau und Knecht». Eine Erzählung aus Rußland von Iwan Turgénieff. Übersetzt von Bodenstedt. — «Neues Frankfurter Museum», 1861, Bd. 4, № 201—208, 24.XI.—4.XII.

²¹ «Jacob Passinkoff». Aus dem Russischen des Iwan Turgénieff. Von Bodenstedt. — «Hamburger Nachrichten», 1862, № 4.—13, 4.—15.I; № 15, 17.I.; № 17, 20.I.

²² «Faust». Novelle in 9 Briefen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. — «Russische Revue», 1862/1863, I. Bd., 1. H., S. 59—96. — Вскоре после выхода в свет журнала в печати появились краткие уведомления (ср., например, «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1862, № 26, 25. VI., S. 312; «Deutsches Museum», 1862, № 25, 19. VI., S. 909). При перечислении важнейших статей, помещенных в № 1 «Russische Revue», журнал «Deutsches Museum» особенно выделял «Фауста»: «самым интересным для нас был рассказ „Фауст“ Ивана Тургенева, переведенный на немецкий язык Фридрихом Боденштедтом».

²³ L. P i e t s c h. Wie ich Schriftsteller geworden bin. 2. Bd. Berlin, 1894. S. 288.

²⁴ V. P a u l s. Blätter der Freundschaft. Aus dem Briefwechsel zwischen Th. Storm und L. Pietsch. Heide in Holstein, 1943, S. 101.

²⁵ I. T u r g e n j e w. Faust. Deutsch von F. Bodenstedt. Federzeichnungen von H. Georgi. Dresden, 1949.

²⁶ В ответном письме от 6 ноября 1862 г. Тургенев согласился с выбором Боденштедта, так как последний, по его мнению, мог лучше судить, какие именно рассказы наиболее интересны немецкому читателю.

²⁷ См. выше письмо Боденштедта к Тургеневу от 2 июня 1866 г.

²⁸ V. P a u l s. Blätter der Freundschaft, S. 178. — Полное название двухтомного издания повестей в переводе Боденштедта: «Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt. Autorisierte Ausgabe, Bd. I—II. München, 1864—1865».

²⁹ Отмечено в записи дневника от 20 февраля 1863 г.

³⁰ «Ein Ausflug in die Waldregion». Nach Iwan Turgénjew. Von F. Bodenstedt. — «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung», 1863, № 104—110, 15.—21.IV.

³¹ «Fürstin Sinaïde». Nach Turgénjew von Friedrich Bodenstedt. — «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung», 1865, № 213—225, 5.—17. VIII.; № 230—232, 22.—24. VIII.; № 234, 26. VIII.

³² Об этой встрече имеется лишь одно упоминание в письме Тургенева к Боденштедту от 1/13 августа 1863 г.

³³ Это письмо не сохранилось. Боденштедт отвечал на него 10 мая 1863 г. Недошедшее до нас письмо Тургенева было написано 3—9 мая 1863 г.

³⁴ Тургенев вернулся из Гейдельберга 23 июля 1863 г. («Летопись», стр. 141).

³⁵ Маркиза Донди была хорошей знакомой Боденштедта, о ней он несколько раз упоминает в дневнике.

³⁶ Имеются в виду положенные на музыку П. Виардо стихотворения русских поэтов, переведенные Боденштедтом и изданные в 1864 г. в Перербурге Иогансеном на русском и немецком языках (12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Friedrich Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia. SPb., Johansen, <1864>). В том же году Тургенев издал эти песни в Лейпциге с одним только немецким текстом (12 Gedichte von Puschkin, Feth und Turgeneff, übersetzt von Fr. Bodenstedt, für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte komponiert von Pauline Viardot Garcia. Leipzig, Breitkopf und Härtel, <1864>). — В следующем году Тургенев издал новый альбом из десяти романсов на слова русских поэтов с переводом Боденштедта на немецкий язык: «Zehn Gedichte von Puschkin, Lermontoff, Koltzof, Tütscheff und Feth, übersetzt von F. Bodenstedt und in Musik gesetzt von Pauline Viardot Garcia». SPb., Johansen, <1865>.

³⁷ Мария Зеебах (1830—1897) — жена знаменитого в свое время певца Альберта Нимана, — жила в Бадене не только в 1863 г., но и летом 1865 и 1866 гг. (O. F. G e n s i c h e n. Marie Seebach-Memoiren. Charlottenburg, 1898, S. 209, 211).

³⁸ А. М а з о н, р. 61.

³⁹ Первый перевод на французский язык рассказа «Призраки» был сделан П. Мериме и опубликован под названием «Apparitions» в «Revue des deux mondes», т. 63, 1866, стр. 853—879.

⁴⁰ Письмо Боденштедта к Тургеневу не сохранилось. Однако об его содержании можно судить по ответному письму Тургенева.

⁴¹ Тургенев был столь высокого мнения о знании Боденштедтом русского языка, что не всегда считал нужным просматривать рукописи переведенных рассказов. Еще в ноябре 1862 г. он писал ему: «Si vous voulez m'envoyer les manuscrits, je vous promets de les garder le moins possible — et je ne sais pas même si c'est nécessaire» («Если вы желаете прислать мне рукописи, обещаю вам по возможности не задерживать их надолго — но я не знаю, право, нужно ли это»). — Исправления, вносимые Тургеневым

в переводы Боденштедта, ограничивались, как он сам писал в письме от 18 октября 1864 г., «bloß auf den Sinn—nie auf die Form» («только содержанием— но не формой»).

⁴² V. P a u l s. Blätter der Freundschaft, S. 135—136.

⁴³ L. P i e t s c h. Erinnerungen an Iwan Turgenjew.— «Vossische Zeitung», 1883, № 425, 12.IX.

⁴⁴ «Mumu». Erzählung von Iwan Turgenew. Deutsch von W. v. K.— «Russische Revue», I. Bd., 4. H. (Leipzig), 1863, S. 352—376.

⁴⁵ «Der Gasthof». Erzählung von Iwan Turgenew.— «Nordische Revue», 2. Bd., 3. H., 1863, S. 216—233; 2. Bd., 4. H., S. 287—309; 2. Bd., 5. H., S. 401—413.— Перевод на немецкий язык В. Вольфсона. Указание М. И. Семевского, что Боденштедт напечатал перевод «Призраков» в журнале «Nordische Revue», неверно («Русская старина», стр. 419).

⁴⁶ «Väter und Kinder». Roman von I. S. Turgenew.— «Nordische Revue», 3. Bd., 2. H., 1865, S. 135—166; 3. Bd., 3. H., S. 309—331. Здесь были напечатаны только первые десять глав романа; переводчик неизвестен.

⁴⁷ «Asja». Eine Erzählung von Iwan Turgenjew. Aus dem Russischen von Heinrich Noé.— «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung» (München), 1864, № 188—190, 11.—13. VII.; № 192—201, 15.—23. VII.

⁴⁸ L. P i e t s c h. Erinnerungen an Iwan Turgenjew.— «Vossische Zeitung», 1883, № 423, 11.IX.

⁴⁹ J. E i c h h o l t z. Turgenew in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883.— «Germanoslavica», 1931/1932, H. I, S. 47; Е. Н о с к. Turgenew und die deutsche Literatur. Diss. Göttingen, 1953, S. 118. Оба автора определяют 1864 г. как поворотный пункт в отношении к Тургеневу немецкой читающей публики.

⁵⁰ Отрицательную оценку рассказов Тургенева, помещенных в первом томе мюнхенского издания, дал один В. Менцель («Literaturblatt», Stuttgart, 1865, № 2, 7.I., S. 8).

⁵¹ A. S t e r n. Geschichte der neuern Literatur. Bd. 7 (Realismus und Pessimismus). Leipzig, 1885, S. 328—338, 537—546, 548, 550 и след.

⁵² J. E i c h h o l t z. Turgenew in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883.

⁵³ Erzählungen von Iwan Turgenjew. Deutsch von F. Bodenstedt. I. Bd. München, 1864, S. X.

⁵⁴ Michail L e r m o n t o f f s poetischer Nachlaß, zum erstenmal in den Versmassen der Urschrift aus dem Russischen übersetzt, mit Einleitung und erläuterndem Anhang versehen von Friedrich Bodenstedt. I. Bd. Berlin, 1852, S. XXIII—XXIV.

⁵⁵ М. П. А л е к с е е в. И. С. Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе.— Институт русской литературы. Труды Отдела новой русской литературы. т. I. М.— Л., 1948, стр. 65.

⁵⁶ Russische Fragmente. Beiträge zur Kenntnis des Staats- und Volkslebens in seiner historischen Entwicklung. Eingeleitet und herausgegeben von Friedrich Bodenstedt. I. Bd. Leipzig, 1862, S. 35.

⁵⁷ Erzählungen von Iwan Turgenjew. I. Bd., S. IX.

⁵⁸ F. K ü r n b e r g e r. Literarische Herzenssachen. Wien, 1877, S. 105—107.— Подобным же образом характеризует Кюрнбергер Тургенева в написанной им в 1866 г. статье: «Soll und Haben eines Naturgenies» (F. K ü r n b e r g e r. Werke. Hrsg. von O. Deutsch. Bd. 2. Literarische Herzenssachen. München und Leipzig, 1911, S. 95).

⁵⁹ P. R e i m a n n. Über realistische Kunstauffassung. Berlin, 1951, S. 284.

⁶⁰ В более близкие к нам годы Л. В. Пумпянский также полагал, что «Призраки» и, особенно, фигура Эллис возникли под влиянием фантастических рассказов Э. По (Л. В. П у м п я н с к и й. Группа «таинственных повестей». — Соч. 1930, т. III, стр. XIII, XVIII). Критику этих ошибочных высказываний Пумпянского см. в книге: М. О. Г а б е л ь. Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. Харьков, 1959, стр. 54 и след.

⁶¹ См.: П. Е. Л и п а т о в. «Муму» И. С. Тургенева.— Творчество И. С. Тургенева. Сборник статей. М., 1959, стр. 146.

⁶² Г. А. Б я л ы й. Тургенев.— «История русской литературы», т. VIII, кн. 1. М.— Л., 1956, стр. 349 и след.

⁶³ R. T r a u t m a n n. Zu Form und Gehalt der Novellen Turgenjews. Leipzig, 1942, S. 57; F. K ü r n b e r g e r. Literarische Herzenssachen. Wien, 1877, S. 10.

⁶⁴ F. K ü r n b e r g e r. Literarische Herzenssachen, S. 110. Ср. П. Е. Л и п а т о в. Указ. статья, стр. 153.

⁶⁵ Письмо Тургенева к Пичу от 4/16 ноября 1865 г.

⁶⁶ V. P a u l s. Blätter der Freundschaft, S. 135—136.

⁶⁷ Н. К. П и к с а н о в. История «Призраков». — Тургенев и его время. Сборник. М.— Пг., 1923, стр. 192.

⁶⁸ R. T r a u t m a n n. Zu Form und Gehalt der Novellen Turgenjews, S. 88.

⁶⁹ Erzählungen von Iwan Turgenjew. Deutsch von F. Bodenstedt. 2. Bd. München, 1865, S. 3.

⁷⁰ Турп АН. Письма, т. VI, стр. 84—85.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

БИБЛИОГРАФИЯ РЕЦЕНЗИЙ
 НА МЮНХЕНСКОЕ ИЗДАНИЕ РАССКАЗОВ ТУРГЕНЕВА
 В НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

1864

1. R. P. <Robert P r u t z.> Turgénjews Erzählungen in deutscher Übertragung von Friedrich Bodenstedt. Bd. I. München, 1864.— «Deutsches Museum». Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentliches Leben, 1864, № 45, 3. XI., S. 699—705.
2. <Moritz C a r r i e r e.> Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt. Bd. I.— «Allgemeine Zeitung», 1864, № 327, 22.XI., Beilage.
3. <Julius G r o s s e.> Erzählungen von I. Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt.— «Morgenblatt zur Bayerischen Zeitung», 1864, № 320, 19.XI.
4. Hieronymus L o r m. Iwan Turgénjews Erzählungen. Deutsch von Fr. Bodenstedt. Bd. I. München, 1864.— «Österreichische Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und öffentliches Leben», Beilage zur Kaiserlichen «Wiener Zeitung», 1864, Bd. IV., S. 1643—1647.
5. Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt. Bd. I. München, 1864.— «Die Grenzboten». Zeitschrift für Politik und Literatur, 1864, Bd. IV, 2. Semester, S. 519 (Без подписи).
6. <Karl F r e n z e l.> Iwan Turgénjew.— «Unterhaltungen am häuslichen Herd». Hrsg. von K. Frenzel, 1864, № 47, S. 940, Beiblatt.

1865

7. <Abel L u k š i ć.> Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Friedrich Bodenstedt. I. Bd., autorisierte Ausgabe, München, 1864.— «Slavische Blätter». Illustrierte Zeitschrift für die Gesamtinteressen des Slaventums. Hrsg. und red. von Abel Lukšić, Wien, 1865, H. 1, S. 66—67.
8. Turgénjew, verdeutscht durch F. Bodenstedt.— «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1865, № 2, 7.I., S. 27 (Без подписи).
9. <Wolfgang M e n z e l.> Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt, Bd. I, 1864.— «Literaturblatt». Hrsg. von W. Menzel, 1865, № 2, 7.I., S. 8.
10. <Michael B e r n a y s.> Zur neuesten Literatur. II. Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt. Bd. I, 1864.— «Kölnische Zeitung», 1865, 17.II.
11. Otto B a n c k. Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. München.— «Novellen-Zeitung». Eine Wochenchronik für Literatur, Kunst, schöne Wissenschaften und Gesellschaft, 1865, 17.III., S. 168—172.
12. Hermann B e c q u i g n o l l e s. Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von F. Bodenstedt. Bd. I. München, 1864.— «Blätter für literarische Unterhaltung», 1865, Bd. 2, № 32, 10.VIII.
13. <Abel L u k š i ć.> Iwan Turgénjews Erzählungen. Deutsch von Fr. Bodenstedt. 2. Bd., München, 1865.— «Slavische Blätter», 1865, H. 18, S. 703.
14. <Moritz H a r t m a n n.> Iwan Turgeneff.— «Freya». Illustrierte Blätter für die gebildete Welt, 1865, H. 4, S. 124.
15. Iwan Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. Bd. 2. München, 1865.— «Die Grenzboten», 1865, Bd. IV, 2. Semester, S. 920 (Без подписи).

1866

16. Turgénjew's Erzählungen. Deutsch von Bodenstedt. Bd. 2., 1865.— «Magazin für die Literatur des Auslandes», 1866. № 7, 7. I., S. 79—98. (Без подписи).
17. <Moritz C a r r i e r e.> Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch übersetzt von Fr. Bodenstedt. 2. T.— «Allgemeine Zeitung», 1866. № 16, 16. I., Beilage.
18. K. F. <Karl F r e n z e l.> Iwan Turgénjew — «Deutsches Museum», 1866, № 3, 18. I., S. 88—91.
19. Erzählungen von Iwan Turgénjew. Deutsch von Fr. Bodenstedt. Autorisierte Ausgabe. Bd. 2, 1865.— «Blätter für literarische Unterhaltung», 1866, Bd. 2, № 20, 17. V. (Без подписи).
20. Ferdinand K ü r n b e r g e r. Turgénjew und die slawische Welt.— «Die Presse». Literaturblatt, 1866, 7. VI. Эта рецензия перепечатана: а) F. K ü r n b e r g e r. Literarische Herzenssachen. Reflexionen und Kritiken. Wien, 1877, S. 102—115; б) F. K ü r n b e r g e r. Werke. Bd. 2. Literarische Herzenssachen. München und Leipzig, 1911, S. 98—110.